

СЬЮЗЕН ЭЛИЗАБЕТ
ФИЛЛИПС

*Мое непослушное
сердце*

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф53

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Susan Elizabeth Phillips

THIS HEART OF MINE

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Филлипс, Сьюзен Элизабет.

Ф53 Мое непослушное сердце : роман / Сьюзен Элизабет Филлипс ; [пер. с англ. Т.А. Перцевой]. — Москва : АСТ, 2015. — 384 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-084269-8

Гордая, независимая писательница детских книжек — и грубовато-мужественный футболист. Что могло объединить столь разных людей? Только то, что вообще объединяет мужчину и женщину! Только короткий миг сумасшедшей страсти... Только ребенок, который стал плодом этой страсти... Только необходимость дать ребенку законное имя... И тогда мужчина и женщина, готовые, казалось бы, забыть друг о друге, поневоле вынуждены стать мужем и женой. Что может выйти из такого союза? Жгучая ненависть? Или безумная, пылкая любовь, не признающая ни различий, ни условностей?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-084269-8

© Susan Elizabeth Philips, 2001
© Перевод. Т.А. Перцева, 2001
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

*Посвящается Джил Барнетт
за ее талант свахи*

Глава 1

Крольчишка Дафна любовалась ноготками, только что покрытыми блестящим фиолетовым лаком, когда Барсук Бенни, мчавшийся на своем красном горном велосипеде, самым бессовестным образом сбил ее с лап.

— Ах ты, паршивый барсучишка! — взвизгнула она. — Жаль, что никто не догадался проколоть тебе шины!

Дафна летит кувырком

В тот самый день, когда Кевин Такер едва не убил ее, Молли Сомервиль поклялась навеки отвергнуть неразделенную любовь. Забыть о ней. Зарыть в могилку и засеять газонной травкой.

Обиднее всего, что она, никому не мешая и никого не трогая, осторожно огибала раскатанные до блеска наледи на автостоянке административного здания «Чикаго старз», когда неизвестно откуда, как джинн из бутылки, вырвался Кевин на своем новехоньком «феррари-спайдере» огненно-красного цвета, обошедшемся ему в кругленькую сумму — сто сорок тысяч зеленых. Его автомобиль под бешеный визг шин и рычание мотора вымахнул из-за угла, разбрызгивая во все стороны грязь, смешанную с подтаявшим снегом. Поняв, что столкновение неминуемо и сейчас багажник врежется ей в бедро, Молли в панике отпрянула. Но удержаться на ногах не удалось, она ударилась о бампер принадлежавшего зятю «лексуса» и, поскользнувшись, рухнула на землю, исходя бессильной злобой.

Кевин Такер и не подумал сбросить скорость.

Молли проводила взглядом огни машины и с трудом встала. Комя грязного снега и глины облепили штанины ее безумно дорогих фирменных брюк «Комм де Гарсон», сумка из «Прады» превратилась в бесформенный мешок, а итальянский сапожок был изуродован длинной царапиной.

— Тоже мне, ведущий игрок! — прошипела она. — Жаль, что до сих пор никто не догадался тебя кастрировать!

Он даже не увидел ее, не говоря уж о том, что едва не убил! Как говорится, Кевин Такер в своем репертуаре! За все время игры в футбольной команде «Чикаго старз» Кевин Такер, похоже, не позаботился узнать о ее существовании!

Дафна отряхнула пушистый белый хвостик, счистила грязь с переливающихся голубых лодочек и решила купить себе самые быстрые в мире роликовые коньки. Такие, чтобы в два счета можно было догнать Бенни и его горный велосипед...

Молли решила было вскочить в свой «жучок» — зелено-вато-желтый «фольксваген-битл», купленный в салоне подержанных автомобилей после продажи «мерседеса», и броситься в погоню за наглецом, но даже ее буйное воображение оказалось бессильным дорисовать достойное завершение этой авантюры.

Она медленно пошла к дверям, морщась и качая головой. До чего же она себе противна! Увлеклась тщеславным, пустым, безответственным типом, которому ни до чего нет дела, кроме дурацкого футбола! С нее довольно! С несчастной любовью покончено навеки!

Ну... не то чтобы это была настоящая любовь. Скорее идиотское увлечение этим кретином! В шестнадцать лет такое еще простительно, но для двадцатисемилетней женщины с индексом интеллекта, приближенным к гениальному, подобные выходы, мягко говоря, смешны!

Из стеклянных дверей, увенчанных эмблемой команды — три золотых, сцепленных лучами звезды в небесно-голубом овале, — ударила струя теплого воздуха. Теперь Молли проводила в административном здании команды значительно меньше времени, чем в школьные годы. Но даже тогда она чувствовала себя тут чужой. Неисправимый, стопроцентный, прирожденный романтик, Молли предпочитала хорошую книгу или музеи бессмысленному сидению на трибунах. Правда, она была преданной болельщицей «Старз», но скорее следовала семейным традициям, чем собственным пристрастиям. Кровь, пот, бешеный пере-

стук наплечников и глухие звуки ударов были так же чужды ее натуре, как... Кевин Такер.

— Тетя Молли!

— Мы тебя ждали!

— В жизни не угадаешь, что у нас случилось!

Молли улыбнулась прелестным одиннадцатилетним племянницам-двойняшкам, мчавшимся по вестибюлю с такой скоростью, что их длинные волосы развевались за плечами.

Тесс и Джули выглядели миниатюрными копиями своей матери Фэб, старшей сестры Молли, и были похожи, как две горошины, если не считать того, что Тесс вздумала облачиться в джинсы и мешковатую футболку «Старз», а Джули натянула черные капри и розовый свитер. Обе были хорошо сложены, прирожденные спортсменки, только Джули любила балет, а Тесс предпочитала игровые виды спорта. Веселые и общительные близняшки Кэйлбоу пользовались успехом у одноклассников и школьных товарищей, но доставляли массу хлопот своим родителям, поскольку ни разу не упустили случая достойно ответить на брошенный кем-то вызов и вечно попадали в разного рода переделки.

Сестры, мчавшиеся на всех парах, вдруг замерли как вкопанные, забыв обо всем, что хотели рассказать. Обе, потеряв дар речи, уставились на волосы тети.

— Господи, да они же красные!

— Точно, красные!

— Клево! Настоящий отпад! Почему ты нам не сказала?

— Да... как-то вдруг вышло... я и не думала... — оправдывалась Молли.

— Я тоже выкрашусь в такой цвет! — провозгласила Джули.

— Не самая хорошая идея, — поспешно ответила Молли. — Лучше объясни, что вы хотели мне сказать.

— Папа рвет и мечет! — объявила Тесс.

— Он и дядя Рон снова поцапались с Кевином, — возбужденно вторила сестре Джули.

Молли, совсем забыв, что несколько минут назад решительно отказалась от неразделенной любви, навострила уши.

— Что он еще наделал, кроме того, что едва меня не сбил?

— Он... тебя?

— Забудьте. Так что случилось?

Джули взволнованно вздохнула:

— Он прыгал с парашютом в Денвере накануне игры с «Бронкос».

— Вот это да... — прошептала Молли.

— Па только что узнал об этом и штрафанул его на десять тысяч долларов!

— Вау!

Насколько знала Молли, это был первый штраф, который заплатил Кевин.

Приступы странной бесшабашности, подчас угрожавшие его жизни, начались как раз перед июльскими сборами, когда любительские мотоциклетные гонки по пересеченной местности закончились вывихом запястья. И настолько не похоже было на Кевина ставить под удар свою спортивную карьеру, что все сочувствовали ему, особенно Дэн, считавший Такера эталоном профессионализма. Однако его мнение постепенно начало меняться после того, как до него дошли слухи о том, будто во время сезона Кевин отправился в Моньюмент-Вэлли полетать на параплане.

Вскоре куотербек, иначе говоря — ведущий игрок, обзавелся сверхскоростным «феррари-спайдером», тем самым, что едва не прикончил Молли на автостоянке. Затем в прошлом месяце в «Сантаймс» расписали, как Кевин, сбежав из Чикаго после обсуждения результатов игры, улетел в Айдахо, где провел день в уединенной лощине Сан-Вэлли, развлекаясь хели-скиингом*. Поскольку в тот раз все обошлось благополучно, Такер отделался всего лишь предупреждением Дэна. Но парашютные прыжки, очевидно, окончательно истощили чашу терпения зятя Молли.

— Па, конечно, все время орет, но до сегодняшнего дня он никогда не спускал собак на Кевина, — доложила Тесс. — А Кевин огрызался, да еще как! Мол, он знает, что делает, и до сих пор цел и невредим, а папе лучше не совать нос в его дела.

Молли болезненно поморщилась:

* Лыжный спорт в горах, куда поднимаются на вертолете. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Бьюсь об заклад, твоему па это не слишком понравилось.

— Он кричал так, что стены тряслись, — встала Джули. — Дядя Рон пытался его успокоить, но тут явился тренер, и все началось опять.

— А мама? Что сделала она? — встревоженно осведомилась Молли, зная, как Фэб ненавидит скандалы.

— Ушла в свой кабинет и включила Аланис Морисетт.

Что ж, возможно, это к лучшему.

Из-за угла с громким топотом вылетел пятилетний племянник Молли Эндрю и, не сбавляя хода, совсем как «феррари» Кевина, врезался в тетку.

— Тетя Молли! Знаешь, все так кричали, что у меня уши болят!

Поскольку Эндрю унаследовал от Дэна Кэйлбоу не только внешнюю привлекательность, но и громоподобный голос, Молли искренне усомнилась в последнем утверждении, но все же погладила племянника по голове.

— Бедняжка!

Мальчик поднял на нее глаза.

— И Кевин та-а-ак разозлился на папу, дядю Рона и тренера, что выругался на букву «х».

— Неужели? Как нехорошо!

— Даже два раза!

— О господи! — Молли едва сдержала улыбку. Понятно, что, проводя столько времени в офисе команды Национальной футбольной лиги, дети слышали и не такие непристойности, но нравы, царившие в семье Кэйлбоу, были достаточно суровы, и каждое неприличное слово влекло за собой тяжкие последствия, хотя и не такие, как десяти тысячный штраф Кевина.

Молли не могла понять, как такое могло с ней случиться. Самым ненавистным в ее увлечении Кевином был тот неоспоримый факт, что она умудрилась втрескаться именно в него, самого поверхностного, самого ограниченного во всем мире типа. Футбол — вот все, что интересовало его в жизни. Матчи и бесконечная процессия топ-моделей с одинаково пустыми лицами. Где он их только находит? В интернете-сайте «Мисс Ничтожество.com.»?

— Привет, тетя Молли.

В отличие от остальных отпрысков Фэб и Дэна восьмилетняя Ханна не подбежала, а спокойно подошла к тетке. Хотя Молли любила всех четверых одинаково, все же относилась к этой беззащитной и слишком уязвимой девчужке, не обладавшей ни ловкостью, ни безграничной самоуверенностью сестер и брата, немного иначе. Ханна с самого рождения была чересчур чувствительной, безнадежно романтичной мечтательницей, одаренной богатым воображением, обожавшей читать и рисовать. Словом, копия своей тетушки.

— Мне нравятся твои волосы.

— Спасибо.

Проницательные серые глаза мгновенно подметили то, что ускользнуло от внимания старших сестер: грязь на брюках Молли.

— Что стряслось?

— Упала на автостоянке. Ничего страшного.

Ханна задумчиво прикусила нижнюю губу.

— Тебе уже рассказали, как поссорились папа и Кевин?

Девочка явно расстроилась, и Молли знала почему. Кевин иногда бывал в доме Кэйлбоу, и Ханна, совсем как ее глупая тетушка, втайне вздыхала по нему. Только в отличие от чувств Молли любовь девочки была чиста и невинна.

— Люди должны отвечать за свои поступки, солнышко, и Кевин не исключение.

— И что с ним теперь будет? — прошептала Ханна.

Молли, в полной уверенности, что Кевин очень скоро утешится с очередной моделью, едва говорящей по-английски, но зато превосходно владеющей всеми эротическими приемами, рассеянно ответила:

— Думаю, он остынет и все обойдется.

— Боюсь, как бы он не натворил глупостей.

Молли отвела со лба Ханны прядь светло-каштановых волос.

— Снова спрыгнет на лыжах с вертолета, как перед игрой с «Бронкос»?

— Он, наверное, просто не подумал.

Еще бы! Вряд ли ничтожный мозг Кевина способен вместить больше одной мысли! Да разве он может думать о чем-то, кроме футбола? Весьма сомнительно!

Но Молли не собиралась делиться своими соображениями с Ханной.

— Мне нужно поговорить с твоей мамой, а потом мы сможем поехать.

— А после Ханна моя очередь, — напомнил Эндрю.

— Я не забыла, милый, — заверила Молли.

Дети любили ночевать в ее крошечном кондоминиуме на Северном Берегу. Обычно они проводили с теткой выходные, но завтра, в четверг, учителя будут заняты на каком-то семинаре, поэтому Молли решила пригласить к себе Ханну.

— Собирай рюкзак. Я быстро.

Оставив детей, она направилась вниз по коридору, украшенному фотографиями, отражавшими историю «Чикаго старз». Первым висел портрет отца, и Молли заметила, что сестра подчеркнула рога, которые давным-давно пририсовала к его голове. Берг Сомервиль, создатель команды, давно лежал в могиле, но забыть о его жестокости дочери так и не смогли.

Далее следовали официальный портрет Фэб Сомервиль, нынешней владелицы команды, и фото ее мужа, Дэна Кэйлбоу, сделанное в те времена, когда он был старшим тренером, а не президентом «Старз». Молли, улыбаясь, рассматривала снимок своего импульсивного зятя. Дэн и Фэб воспитывали ее с пятнадцати лет и даже в худшие времена были куда более любящими и заботливыми родителями, чем Берг Сомервиль — в лучшие.

Красовался здесь и портрет Рона Мак-Дермита, первого и единственного генерального менеджера команды, или просто «дяди Рона», как называли его дети. Фэб, Дэн и Рон делали все возможное, чтобы как-то совместить титаническую работу по управлению командой НФЛ и семейную жизнь. За эти годы произошло несколько реорганизаций, в результате которых Дэну, покинувшему было «Старз», пришлось вернуться.

Молли сбросила пальто и критически посмотрела на свое отражение в зеркале. Хотя короткая асимметричная стрижка шла ей и подчеркивала разрез глаз, Молли никак не могла успокоиться на достигнутом и выкрасила темно-каштановые волосы в ослепительно-яркий оттенок рыжего.

Новый цвет делал ее ничем не примечательное лицо

более выразительным. Нет, не то чтобы она жаловалась на свою внешность. Нормальный нос, нормальный рот, нормальная фигура — не слишком тощая, не слишком толстая. Короткий взгляд на бюст напомнил о том, с чем она давным-давно смирилась: для дочери шоу-герл она выглядит явно обделенной природой.

А вот глаза ее огорчали меньше — Молли втайне верила, что легкая раскосость придает ей таинственный вид. В детстве она любила закрывать комбинацией нижнюю половину лица, воображая себя прекрасной арабской шпионкой.

Она со вздохом стряхнула грязь с брюк, вытерла любимую сумку и, подхватив стеганое пальто, направилась к кабинету сестры.

Шла только первая неделя декабря, но служащие уже начали развешивать рождественские украшения. С двери кабинета Фэб улыбался Санта-Клаус в форме «Старз» — последний рисунок Молли.

— А вот и тетя Молли! — объявила она, заглядывая в комнату.

Ослепительная блондинка так энергично отбросила ручку, что золотые браслеты на запястьях весело звякнули.

— Слава Богу! Голос разума — именно то, что мне сейчас... Господи! Что ты сделала со своими волосами?!

Сама Фэб с копной роскошных, не знавших краски белокурых волос, янтарными глазами и потрясающей фигурой была похожа на Мэрилин Монро. Именно так выглядела бы звезда, если бы дожила до сорока лет. Впрочем, Молли никак не могла представить Мэрилин Монро с пятном от виноградного желе на шелковой блузке. Что бы ни делала с собой Молли, как бы ни старалась, ей все равно не сравняться с сестрой, но она не завидовала. Только самые близкие люди знали, сколько бед принесли Фэб изумительное тело и роковая красота женщины-вамп.

— О, Молли, неужели опять! — простонала Фэб.

Увидев ужас в глазах сестры, Молли от души пожалела, что не надела шляпу.

— Да успокойся ты! Ничего не случится!

— Успокоиться? Каждый раз, когда тебе приходит в голову особенно изощренным способом поиздеваться над своими волосами, на нас сваливается очередное несчастье! Теперь ничего хорошего не жди.

— Все это в прошлом. Можно подумать, я приношу одни беды! Уж и волосы покрасить нельзя! — обиженно фыркнула Молли.

— Я тебе не верю! Опять вляпаешься в какую-нибудь историю!

— Ничего подобного!

Может, если Молли будет повторять это достаточно часто, ей удастся убедить и себя?

— Тебе было всего десять лет, — пробормотала Фэб, — ты считалась самой способной и примерной ученицей в пансионе. И вдруг ни с того ни с сего отрезала себе косички и подложила в столовой бомбу-вонючку!

— Подумаешь! Химический опыт талантливого ребенка!

— А дальше? Тринадцать лет. Спокойная. Прилежная. После того случая с бомбой ни одного проступка. Пока ты не начала посыпать волосы сухим «Джелло»*. И тут взрыв! Ты быстренько собрала все университетские награды и призы Берта, вызвала мусорщиков и потребовала убрать их с глаз долой.

— Но когда я рассказала обо всем, ты обрадовалась, признайся!

Однако Фэб уже завелась и потому не собиралась ни в чем признаваться.

— Прошло еще четыре года. Четыре года идеального поведения и блестящих успехов в учебе. Дэн и я приняли тебя в наш дом и в наши сердца. В выпускном классе ты должна была выступить от имени всей группы на выпускном вечере. У тебя был хороший дом, любящая семья... Кроме того, ты стала вице-президентом школьного совета, так с чего мне было волноваться, если тебе вздумалось выкрасить волосы в оранжево-голубую полосу?

— Это цвета школы, — еле слышно пояснила Молли.

— И тут мне позвонили из полиции и объяснили, что моя сестра, умная, трудолюбивая девочка, хладнокровно включила пожарную сигнализацию во время большой перемены! Да, невинные детские проделки не для нашей Молли! Это вам не простое озорство! Ей подавай сразу злостное хулиганство!

* Фирменное название желе из концентрата.

Тут Фэб права, выходка гнусная, а главное — непонятная самой Молли. Она предала людей, любивших ее, и даже после года полицейского надзора и многих часов общественных работ так и не смогла объяснить, что подтолкнуло ее к этому поступку. Озарение пришло позже, на втором курсе Северо-Западного университета.

Дело было весной, перед экзаменационной сессией. Молли почему-то не находила себе места, не могла сосредоточиться и, вместо того чтобы заниматься, глотала один за другим любовные романы или пялилась на себя в зеркало и мечтала о прическе в стиле прерафаэлитов. Однако даже новый шиньон, на который ушли все карманные деньги, не принес ей радости.

Так все и шло, пока в один прекрасный день, покинув книжный магазин, она не обнаружила в кармане калькулятор, за который и не подумала заплатить. К счастью, к тому времени Молли успела достаточно повзрослеть и поумнеть, потому и ринулась обратно, чтобы вернуть калькулятор, а потом отправилась к университетскому психологу...

Фэб вернула сестру к действительности, с шумом отодвинув стул.

— А в тот раз... — начала она, вскакивая.

Молли съежилась, хотя знала, что рано или поздно дело дойдет и до этого.

— ...когда на твоей голове появился этот ужасный «ежик»... два года назад...

— Ничего ужасного, последний крик моды, все носили...

Фэб не позволила ей продолжить:

— Так вот, тогда ты остриглась едва ли не наголо, а потом взяла и выбросила на ветер пятнадцать миллионов долларов!

— Ну... положим... это всего лишь совпадение...

— Ха!

В пятнадцатимиллионный раз Молли объяснила, почему сделала это:

— Деньги Берта душили меня. Мне необходимо было окончательно порвать с прошлым и стать свободной.

— И нищей!

Молли улыбнулась — Фэб никогда не признается, что понимает, почему сестра без сожаления рассталась с наследством.

— Ах, Фэб, какая ты пессимистка! Постарайся увидеть в этом хоть что-то хорошее! Почти никто не знает, что я рассталась с деньгами, и считают меня чудачкой и скрягой, предпочитающей водить подержанный «жучок» и жить в квартирке размером с кладовку.

— Которую ты обожаешь.

Молли не пыталась это отрицать. Мансарда была самым бесценным ее имуществом, и она с гордостью сознавала, что платит по закладной деньгами, заработанными собственным трудом. Только тот, кто, подобно ей, рос, не имея дома, который можно было бы назвать своим, был способен ее понять. Однако Молли решила сменить тему, прежде чем Фэб снова начала читать ей нотации.

— Жевастики сказали мне, что Дэн огрел мистера Ограниченность десятитысячным штрафом по пустой голове.

— Зря ты так. Нехорошо. Кевин вовсе не ограниченный, просто...

— Просто у него узкий круг интересов?

— Честно, Молли, не понимаю, почему ты так его не любишь? Ведь за все эти годы вы едва обменялись десятком фраз.

— Чисто инстинктивно. Стараюсь избегать людей, зацелившихся на футболе.

— Знай ты его лучше, наверняка любила бы не меньше, чем я.

— Ну разве не поразительно, что он, как правило, встречается с женщинами, неспособными и трех слов связать по-английски? Впрочем, в этом есть кое-какие преимущества — ничто так не мешает сексу, как осмысленная беседа.

Фэб невольно рассмеялась.

Хотя Молли по давней привычке почти ничего не скрывала от сестры, она стойко молчала о своем увлечении защитником «Старз». Мало того что это позорно и унизительно, так еще Фэб наверняка поделится новостью с Дэном, а это уж совсем ни к чему. Зять горой стоит за свояченицу, и у мужчин неженатых, да еще с нормальной сексуальной ориентацией, не слишком много шансов подобраться к Молли. Беспрепятственно общаться с ней может только примерный семьянин или голубой — это Дэн еще кое-как терпел.